

Глава 2

Как будто мы только вчера разговаривали. Во всяком случае, тон у него именно такой. А вот я удивлен. Что это Леннокс, я понимаю, только когда он представляется, номер мне ничего не говорит. Зачем он звонит? Вот было бы смешно, если бы он предложил мне оружие: Леннокс, типа, читает мысли и исполняет желания, а ведь он, кстати, раньше работал с Де Мейстером, так что почему бы и нет, но в итоге он не за этим мне звонит, а чтобы рассказать, что Бонзо потерял память и надо к нему поехать и что-то сделать. Все равно совпадение, потому что Бонзо и Де Мейстер — это один и тот же человек. Потерял он память не полностью, говорит Леннокс, а только ту часть, которую мы для него придумали. Ну, то есть *ты*, конечно, придумал; ты нам нужен.

Бонзо, повторяю я, Бонзо? Дай-ка подумать.

Естественно, я сразу догадался, о ком он говорит, но не хочу, чтобы он это понял, я стараюсь произвести впечатление человека, живущего такой богатой и наполненной жизнью, что имена из прошлого не сразу всплывают в памяти. Не важно, поверит *он* или нет, я это делаю для себя самого, это *мне* нужно в это поверить.

Итак, поверив в это, я говорю, что не понимаю, как можно потерять *часть* своей памяти. Леннокс отвечает, что ему это тоже не вполне понятно, но что есть, то есть. Возможно, память устроена так, что в результате травмы один из слоев окажется стертым, а другие останутся нетронутыми. Это слова человека, начитавшегося научно-популярных книжек, но вслух я их не произношу, так как не хочу сразу же настроить Леннокса против себя, я его столько лет не слышал, да и потом: Бонзо?

Травма? Какая еще травма, спрашиваю я, о чем ты? Мы пока не знаем, что именно произошло, отвечает Леннокс, но сейчас он опять тот Бонзо, каким мы его знали.

Как это, тот Бонзо, каким мы его знали, спрашиваю я, опять, что ли, трахает студенток, стоя у окна общежития?

Нет-нет, спокойно отвечает Леннокс, как будто в этом вопросе нет ничего необычного, все-таки возраст уже не тот.

И только теперь мне в голову приходит вопрос о том, откуда Леннокс знает про потерю памяти. Значит, ты все это время поддерживал контакт с Бонзо? — спрашиваю я. Или не только ты, а вы все вместе, из Конторы, или как это у вас там называется.

Я слышу, как Леннокс улыбается. Не знаю, как это возможно: слышать улыбку на том конце провода. Звучит это не менее абсурдно, чем слышать, как кто-то рядом потеет, но я явственно слышу его улыбку, как будто он сидит рядом со мной.

Он никогда не пропадал из виду полностью, отвечает Леннокс. Никто никогда полностью не теряется из виду.

Но меня-то ты потерял из виду, говорю я, мы с тобой уже почти сорок лет не пересекались. И пытаюсь при этих словах громко улыбаться, но не знаю, получилось ли, а спросить у него тоже будет странно: скажи, Леннокс, ты слышал, что я только что улыбнулся?

Ты тоже не пропадал из виду, отвечает Леннокс, не то чтобы.

Ну и как же? — спрашиваю я. Не станешь же ты мне рассказывать, что много лет живешь в соседнем доме? — и я на самом деле из своей почти горизонтальной позиции на кресле моей матери смотрю на окна напротив, но там, как всегда, задернуты шторы.

Ах, и так далее, и так далее, говорит Леннокс, и я вдруг чувствую себя счастливым, потому что помню, что раньше он так заканчивал разговор, который ему надоел. И так далее, и так далее, но при этом таким тоном, на который невозможно рассердиться. И выглядел он всегда расслабленным, Леннокс с его соломенного цвета волосами средней длины и утопленной переносицей, как у человека, который когда-то занимался боксом и схлопотал по лицу, но не стал по этому поводу париться.

Леннокс — это не настоящее имя.

Леннон? — переспросил я при нашей первой встрече. Нет, Леннокс, ответил он. Да ладно тебе, ты и в первый раз прекрасно слышал, звуки реально разные.

Этим он сразу пробудил мой интерес. Сплющенный нос не делал его похожим на интеллектуала, но, услышав, что он говорит, я сразу подумал: наконец-то хоть у кого-то в этом коллективе есть мозги.

Энни Леннокс? — спросил я. Дело было в середине восьмидесятых, «Юритмикс» выдавали хит за хитом, песни были мелодичные и запоминающиеся, но любить их было не круто. Нет, просто Леннокс. Да понятно, что тебя не зовут Энни, я имею в виду, что ты назвал себя в честь Энни Леннокс? — говоря это, я всеми силами пытался не смотреть на его нос.

Я понимаю, что ты имеешь в виду, ответил он, но нет. И он посмотрел на меня оценивающе и, кажется, признал за своего. Я даже подумал, что сейчас он положит руки мне на плечи. Не у всего есть причина, сказал он.

Ну как же, ответил я, вообще-то у всего, разве нет? Причина и следствие, все такое.

Так-то оно так, произнес Леннокс, но это только если ты отделяешь одно от другого. Если бы до этого

он положил руки мне на плечи, сейчас был как раз тот момент, когда бы он их снял.

Вот как, сказал я, стоит отойти на пару шагов, чтобы видеть всю картину, и все дела; но пазл, на который мы смотрим издалека, все равно состоит из маленьких кусочков. Не знаю, откуда я это взял и был ли в этом смысл. И так далее, произнес Леннокс, уходя, и так далее, и так далее.

А вот почему сейчас, сорок лет спустя, мне это доставляет радость — не значит ли это, что то время мне нравилось, что я чувствую ностальгию? И почему я продолжаю его слушать, почему не кладу трубку, а спрашиваю, что конкретно с Бонзо и как он жил все это время? Потом Леннокс объяснит, что все из-за того, что у нас нет детей, но сейчас я пока задаю вопросы так, как будто мы все те же люди, что когда-то работали в архиве, как будто время сейчас является прямым продолжением того давнего периода, как будто само собой разумеется, что мы будем помогать Бонзо решить его проблемы с памятью.

Где он, куда нам ехать-то? — спрашиваю я, как будто уже точно еду. А почему бы и нет? Делать-то все равно нечего. Комната матери прибрана, а книжку мою издавать не собираются.

На месте разберешься, отвечает Леннокс. Я уже в деле, и все из-за этих трех слов, которые он сказал: *ты нам нужен*.

Глава 3

БЗЗЗЗТ. БЗЗТ. Этот звук уже поселился у меня в ушах, как будто где-то в голове миниатюрная версия моей матери пытается побороть пульт управления креслом,

но почему бы и нет, что с того, что она умерла, она может быть где угодно.

Сколько же в тебе гнева, я прямо чувствую, сколько в тебе гнева.

Он прав, меня все бесит. Бесят остальные пассажиры, бесит, что жарко, бесит, что мало места. Да, да, сам знаю, коротко отвечаю я. Рубашка липнет к спине, но чтобы снять пиджак, придется сначала пробраться мимо Леннокса к проходу.

В этом-то и вопрос: знаешь ли ты сам?

Мы сидим в автобусе. С чего бы это? Я думал, что мы поедем на машине. Раньше я медитировал, сообщаю я. Дай отгадаю, говорит Леннокс, но у тебя не пошло. Автобус не рейсовый, тут одни туристы, это старая американская модель со сглаженными углами, и над основными окнами расположен ряд узких окошек, повторяющих изгиб крыши. В прошлый раз Леннокс заезжал за мной на лимузине, но это было давно; и времена, судя по всему, изменились, а вместе с ними и бюджет. На водителе темная форма и фуражка с черным блестящим козырьком. Время от времени он кидает взгляд в зеркало, лицо у него печальное, как у старой собаки, которую часто били. Остальные пассажиры — это русские, японцы и китайцы. Им летать еще можно, а вот по Европе почти все перевозки осуществляются наземным транспортом.

Мы едем на юг, не по трассам, а по узким извилистым туристическим дорогам, прямо через ЗЗС. Пассажиры вокруг нас старательно пытаются прочитать со своих экранов слова «Защищенное Зеленое Сердце» и очень веселятся. Видя, что я хочу вмешаться, Леннокс смотрит мне в глаза и предупреждающе качает головой. Наверное, нам не надо выделяться, ну, мы ни капельки и не выделяемся, единственные голландцы в этом

автобусе, полном туристов. Или он так пытается меня защитить от самого себя, от той части меня, которая хочет всем угодить и уже готова учить совершенно незнакомых иностранцев правильно произносить «Защищенное Зеленое Сердце» в обмен на их быстро испаряющуюся, но тем не менее неизбежную благодарность. *Мое вечно угрожающее я*, если я вдруг соберусь писать автобиографию, это будет название одной из глав или даже всей книги. Шучу, конечно, название-то дурацкое. Но мне это в себе не пересилить, это даже и не я сам, это беспокойная услужливость моей матери, которая каждый раз во время наших прогулок по Хёйзенскому лесу в сторону Бларикумской вересковой пустоши стремительно ныряла в кусты при приближении велосипедиста, хотя ходила уже с трудом; мы поднимались вверх по лесной дорожке под руку, шагком за шагом, но при малейшем намеке на велосипедиста она — прыг! — сигала в кусты, рискуя переломать себе кости; я уже мысленно готовился вызывать скорую прямо в лес — между этими кустами было полно незаметных при беглом взгляде ям — но куда там, представь, что будет, если человеку на велосипеде придется замедлиться, такого допустить нельзя, хоть этой проблемы и не существовало вовсе, потому что — как я не уставал ей повторять — *не надо, места более чем достаточно, они и так проедут!*

Но я и сам такой, только при этом я еще и злюсь, еще чуть-чуть — и я встану с места и прокричу всем этим русским и азиатам в лицо: «*Защищенное Зеленое Сердце!*» — а они продолжают галдеть, выдавая свои версии на весь автобус; это уже реально бесит, и я чуть ли не рад своему гневу, потому что так я хотя бы точно знаю, что больше не гонюсь за их благодарностью. Тем временем Леннокс внимательно смотрит на меня сбоку, как будто у меня где-то на теле расположен датчик, по которому он про-

веряет мое состояние, и кладет руку мне на плечо, чтобы не дать мне встать.

С носом ему что-то сделали. Я не видел его сорок лет, и теперь у него есть нос; я с трудом узнал его, когда он подошел ко мне сегодня утром на площади имени Йохана Кройфа¹. Вот наш автобус, сказал он. Я сначала подумал, что он кого-то послал вместо себя, но это был он. Во всяком случае, так он сказал. Мне показалось, что я его узнал, но сейчас я уже не так уверен. Я мог бы по-расспрашивать его о нашем общем прошлом в архиве, но лучше даже не начинать: вдруг он не сможет дать ни одного правильного ответа? Я беру свой планшет и фотографирую его в профиль. Первая фотография не получается, потому что он удивленно косится на меня, пытаюсь понять, что это я такое делаю. Просто смотри перед собой, говорю я, все в порядке. Захочешь — удалю потом. Он смотрит перед собой, правда, приподняв брови. Не важно, раньше он тоже часто так делал. На получившейся фотографии я пальцем редактирую переносицу. Блин, говорю я, это действительно ты. Блин, повторяет Леннокс, не поздновато ли проверять?

Мы едем уже несколько часов. Я думаю о том, где сейчас Де Мейстер — Леннокс просит называть его Бонзо, — где сейчас Бонзо. У которого потеря памяти. Леннокс сказал взять чистой одежды на несколько дней, то есть за один день мы с этим заданием не справимся. Я спросил у Леннокса, не едем ли мы опять в монастырь, и он ответил: и да и нет, так что это мало что дает.

---

¹ Топонимов, связанных с именем Й. Кройфа, не существует, но название отсылает к курьезному случаю 2016 года. После смерти знаменитого футболиста власти Амстердама решили переименовать одну из городских площадей в его честь, но горожане были возмущены самоуправством и успешно опротестовали решение (*здесь и далее примечание переводчика*).

Останавливаемся у рядком стоящих мельниц, тут можно выпить кофе и сфотографироваться. Туристы пьют кофе и фотографируются. Водитель стоит руки в карманах и вглядывается куда-то вдаль, в поля. Я хочу встать рядом с ним, но Леннокс меня удерживает, опять кладет мне руку на плечо, честное слово, прямо возложение рук какое-то, ему бы заниматься божественным исцелением. Когда все нафотографировались вдоволь, мы выезжаем на шоссе и пересекаем несколько речек.

Надеюсь, мы не просидим весь день в автобусе. Надо было выйти у тех мельниц в поля, куда-нибудь все равно дойдешь, на горизонте всегда есть какой-нибудь город, где можно сесть на поезд. Вернуться домой, просто работать у себя за столом, ходить каждый день в «Алберт Хейн», дожидаться, пока та женщина встанет в очередь, и вывалить свои покупки на ленту, пока она выкладывает свои. Не слушать маленького внутреннего буддиста. Разве я его еще не придушил?

Автобус сворачивает, я смотрю на указатели, судя по всему, мы едем в Мерсберген. Может быть, этот автобус будет объезжать все новые деревни, по всей стране, их становится все больше, в Маркерварде вот уже несколько лет строят копию центра Амстердама. *Душевная атмосфера Брабанта*. Большие экраны вдоль дороги. *Карнавал двенадцать месяцев в году*. Еще не доехав до границы застройки, мы застреваем в процессии, на одной из платформ которой стоит принц. Он размахивает тростью с набалдашником, платформу везет трактор, шофер одет фермером. Все участники процессии — ряженые, костюмы только что достали из шкафа, на них еще видны складки. Алааф! Алааф! кричат они, громко и требовательно, как будто разыскивают человека по имени

Алаф¹. Для пассажиров автобуса это приветствие запомнить оказывается куда проще, чем «Защищенное Зеленое Сердце». Откуда ни возьмись появляется медный оркестр, выраженные фермерами музыканты играют какую-то суматошную мелодию, а все участники процессии ее подхватывают, как будто эту песню надо поскорее допеть, пока она не взорвалась. При этом они совершают угловатые и торопливые танцевальные движения, гоп-гоп-гоп-ля-ля, все в костюмах: и фермеры там есть, и фермерши, и ковбои, и матросы, и епископы, кого только нет. Мы находимся посреди этого всего, я слышу, как люди просачиваются вдоль автобуса. Леннокс спокойно смотрит перед собой, как будто для него это обычная составляющая поездок из дома на работу, а кто его знает, мне о нем ничего не известно, я и не спрашивал у него еще ничего. Водителю удастся, постоянно сигнала, пробиться к большой парковке на краю деревни, где собралось еще несколько автобусов. На выходе нам всем ставят печать на руку с номером автобуса. У нашего номер 34. Я смотрю на фиолетовые чернила и вспоминаю, как раньше такие печати ставили на концертах или школьных дискотеках. Давно это было, вообще-то, даже непонятно, как этот мир сохранился до сих пор. Да не сохранился он, и пусть эти старомодные печати не пытаются убедить меня в обратном.

Это ничего не значит, говорит Леннокс. Я смотрю на него вопросительно, он глазами показывает на печать у меня на руке. Это число, — произносит он. Наверное, решил, что я пытаюсь отыскать в нем смысл. Я думал о другом, говорю я. И хорошо, отвечает он, вот бы все так. Его голос звучит рассеянно, как будто он

---

¹ Aaaf! — приветствие участников традиционного карнавала в Германии и Голландии, от диалектного Alles ab! («Всё прочь!»), то есть «К черту все заботы!».

мысленно в другом месте; мы закидываем сумки на плечо и отходим от группы по направлению к деревне, Леннокс впереди, я сзади. Нас никто не пытается остановить, никто не кричит нам вслед и не бежит за нами.

Улицы узкие и пустынные, дома маленькие, двери выходят прямо на улицу, перед ними ни кустика, все каменное. Кажется, Леннокс знает дорогу. Издалека доносится гул праздника, то громче, то тише, как будто ребенок играет с кнопкой громкости. Свернув на одну из боковых улиц, я вдруг вижу где-то над крышами верхнюю часть медленно вращающегося колеса обозрения с маленькими силуэтами в кабинках. Леннокс достает ключ из кармана и открывает дверь. Это дверь шестидесятых годов, почти полностью изготовленная из пупырчатого матового стекла с горизонтальной прорезью для почты. Должно быть, имитация, этой деревне всего несколько лет от роду. Подожди меня снаружи, говорит Леннокс, я скоро вернусь. Он закрывает за собой дверь, и сквозь матовое стекло я вижу, как его силуэт растворяется в глубине дома. Я ставлю сумку на узкий тротуар и усаживаюсь на карниз окна гостиной. Сидеть совсем неудобно, но все лучше, чем стоять. Занавески за моей спиной задернуты. Чуть слышно доносятся звуки медного оркестра и радостные крики. В домах напротив никакого движения. Все на работе: тут живут люди, участвующие в карнавале сорок часов в неделю. Как-то я читал интервью с одной из жительниц — она утверждала, что для нее это в некотором роде фитнес. Мимо проходят несколько туристов, уставившись в свои экраны. Когда они сворачивают на другую улицу, я тоже достаю планшет. Сообщение от издательши: она хотела бы услышать мою реакцию, потому что так и не получила от меня ответа. Существует ведь много других вариантов, и они во мне не сомневаются. Неозвученный вопрос при этом:

ты же не сердисься? Мы поколение инфантилов: сами сначала отвергаем человека, а потом больше всего беспокоимся о том, как бы он не отверг нас.

Я не отвечаю. Вокруг никакого движения, но вдруг за домами на противоположной стороне улицы что-то длинное проносится в воздухе и сразу же исчезает, что-то невозможное, и, когда оно появляется снова, я вижу, что это: летающая с бешеной скоростью по кругу огромная металлическая жердь, такая стальная лапа с двумя сиденьями на конце, где сидят размахивающие руками фигурки, через секунду их уже не видно, но они возвращаются опять и опять, в характерном ритме, крича и размахивая руками; каждый раз, поднимаясь над домами, они кричат, это такой тонкий высокий вопль, он все еще летит ко мне, когда они уже исчезают за крышами. Чем чаще они появляются в поле зрения, тем больше мне начинает казаться, что своими криками и жестикующей они пытаются привлечь мое внимание, что они хотят, чтобы я что-то для них сделал. А я не могу ничего для них сделать, я не могу их освободить, да и по всей длине этой железной дуры весело поблескивают разноцветные огоньки, то есть задумано все это для увеселения. Но они все кричат и кричат, сейчас уже кажется, что с каждым кругом они протяжно зовут меня по имени, как будто они не только видят, что я здесь сижу, на подоконнике, но и знают, кто я, с каждым разом мое имя звучит все более четко и требовательно, и я чувствую радость, когда Леннокс подъезжает на машине и через опущенное стекло в дверце кричит мне: садись! Пока я там ждал, мне и в голову не приходило, что Леннокс появится откуда-то, кроме как из двери дома, за которой исчез, но удивление быстро уступает место облегчению, и, ни о чем не спрашивая, я обхожу машину и сажусь внутрь.

Глава 4

Вот садишься ты такой без всяких раздумий в машину — ну, машина и машина, ты садишься, пристегиваешься и мельком отмечаешь про себя какие-то детали, нет ли мусора на полу, удобно ли сидеть, но ты не приглядываешься специально, можешь при этом продолжать разговаривать, что-то происходящее на улице может отвлечь твоё внимание, и ты садишься в машину совершенно беззаботно, не задумываясь о том, что эта машина на ближайшее время станет твоим пристанищем, что в этой машине ты безвылазно проведешь несколько дней и они покажутся тебе неделями; машина станет твоей второй кожей, она будет совсем другой машиной, нежели той, в которую ты сел, в *ту* машину ты уже никогда не сядешь, так же как уже не получится жить в том же самом доме, на просмотр которого ты ходил еще до того, как подписал контракт. Хотя, если задуматься, я в нее только что сел и еще не знаю, что мне предстоит провести в ней несколько дней. Я даже не сразу замечаю, что эта машина с бензиновым двигателем; всю жизнь я только на таких и ездил, для меня это самые обычные машины, но получается, что у Леннокса есть специальное разрешение — а может, и нет, я до сих пор не узнал, где он работает и что мы собираемся делать с памятью Бонзо, сейчас мы просто едем по Мерсбергену, и ему, во всяком случае, удастся не наталкиваться на карнавальные шествия. Вымощенные булыжником улицы пестрят яркими полосками, разбросанными без какого-либо порядка, может быть, это такое длинное закодированное сообщение, расписанное по всем улицам деревни, и в нем зашифрована суть нашей миссии, и именно за этим мы сюда, в Мерсберген, и приехали, — но нет,

это конфетти, я оглядываюсь, ожидая увидеть, как они взмываются в нашей аэродинамической тени, однако они остаются на месте, как будто их наклеили на булжники. Я поднимаю взгляд поверх домов, но железная лапа тоже исчезла, и мне кажется, что надо помахать ей в ответ на прощание.

Как у тебя дела, спрашивает Леннокс. Хорошо, говорю я. Он криво усмехается, но не неприятно. Мы не виделись столько лет, а ухмылка все та же. Если бы у тебя все было хорошо, ты бы со мной не поехал, сказал он. С чего бы, что за бред, ты ведь меня сам попросил, про Бонзо начал рассказывать? Судя по всему, никаких срочных обязательств у тебя нет, ежедневник пустой, взял и поехал, может, тебе так и лучше, может, ты убегаешь от чего-то или от кого-то? Да нет. Хотя да, от кресла матери, от издательши, от той женщины в «Алберт Хейне». Но я молчу. Потому что это неправда. Все, что я себе в конце концов позволил, — это положил на ленту разделитель чуть громче, чем нужно. Кажется, это было так давно, а ведь мы только начали.

Дела отлично, говорю я, можешь не беспокоиться.

Постарели мы только, да? — восклицает Леннокс. Тут он прав, мы постарели, а особенно он, потому что я его сорок лет не видел, а за своим старением каждый день наблюдал в зеркале понемногу. Волосы у него поседели и истончились, кожа на подбородке обвисла, он похож на человека, которого искусственно состарили для последней части фильма, то ли гримом, то ли на компьютере. Вот, смотри! Он снимает руку с руля и протягивает в мою сторону, расставив пальцы.

Не трясется, говорю я.

Чего? Я про пятна на руках, взгляни!

Кисти у него действительно в коричневых пятнах.

Я пошел к врачу, думал, это рак кожи. А он мне: что вы, это возрастное.

Он кладет руку обратно на руль и смеется, как будто это смешно. Возрастные пятна! И сила уже не та. Помнишь, как раньше мы целыми днями таскали коробки в архиве? Сейчас-то уже так не получится.

Скажешь тоже, целыми днями. В шахматы еще играли в коридорах, на бывших полицейских ходили смотреть.

Да-да, говорит Леннокс. Но в перерывах нормально так горбатились. А с Йоханом, помнишь, когда за архивами ездили? Туда-сюда по лестнице. Даже представить страшно. Но этого больше и не требуется, слава богу. А ты как? Тоже старый и больной?

Да ничего вроде, говорю я, только иногда в голове какое-то жужжание. Может, от усталости, а может, внутреннее эхо от шороха шин. Не привык я так долго куда-то ехать.

Внутреннее эхо от шороха шин, повторяет Леннокс как под диктовку. Красиво сказано, сразу видно, что ты писатель. Это называется тиннитус. Возрастное.

Нет, говорю я, это как будто жучок в голове, пожужжит и перестанет. Если это и тиннитус, то он ищет место, где бы устроиться.

Я мог бы сказать, что у меня в голове расположилась моя мать в своем кресле, но сравнение с жучком мне больше нравится, так хотя бы объяснять ничего не придется.

Тиннитус ищет место, где бы устроиться, диктует Леннокс, опять поэтическая находка. И как это звучит?

Ну, просто, как я сказал, как жучок. БЗЗЗЗЗЗЗТ, БЗЗЗЗТ, БЗЗТ, БЗЗЗЗЗЗТ, БЗТ.

Так ведь это Йохан! — восклицает Леннокс. Это Йохан разъезжает у тебя в голове на своей коляске.

Видать, так оно и есть, соглашаюсь я.

Йохан... — говорит Леннокс. Йохан... Он как будто изо всех сил пытается представить его в инвалидной коляске с электроприводом. Именно такой звук был, да? И смотрит вперед, положив руки на руль и задумчиво кивая.

А ведь ты был прав, произносит он через несколько минут молчания.

Что? Когда?

Когда мы с тобой познакомились в архиве и я представился. Тебе послышалось Леннон. Во всяком случае, ты переспросил: Леннон? Ты был прав, это от Леннона. Леннон с иксом на конце. Никак не связано с Энни Леннокс.

Понятно, Леннон с иксом на конце.

Да, говорит он, для пушей загадочности. Изюминки. Остроты. Я когда-то фанател от «Битлов».

Я тоже.

Знаю, произносит Леннокс, мы раньше часто об этом говорили.

Разве? Вообще не помню.

Нет, правда, если я говорю, значит, так оно и есть. Мы с тобой раньше подробно обсуждали «Битлз», и в том числе что мы оба чуть-чуть недотягивали по возрасту. У тебя была старшая сестра, а у меня — старший брат. Я даже помню, где ты был, когда узнал, что Леннон убит. Это было утром, ты еще не встал, и к тебе в комнату зашла мама и сказала, что застрелили кого-то из «Битлз», по радио передавали, только она не уверена, что правильно запомнила имя: Леннен? У тебя тогда на стене висело четыре фотографии из «Белого альбома», и она безошибочно показала: вот этот! Ты не переставал удивляться, что она вот так сразу его опознала.

Леннокс смотрит на меня, потом опять переводит взгляд на дорогу и усмехается. Он запомнил все, что

я ему рассказывал давным-давно. Что-то в этом не то. Он всегда и во всем был выше меня. И в шахматах всегда побеждал.

Едем дальше, я вспоминаю, как мама зашла ко мне в комнату; я тогда был без работы, школу бросил, не доучившись, вот и спал до полудня. За пару месяцев до этого она тоже заходила ко мне. Ты что, *голышом* спишь? — прошипела она тогда, как будто я совершил страшное преступление, которое надо во что бы то ни стало скрыть от властей. А может, в этом была еще и зависть, что я начинаю то, с чем она давно попрощалась. Через месяц я переехал в Амстердам, сестра училась там в университете; один из ее знакомых оставил мне квартиру в сквоте в районе Ост. Оттуда я так никуда больше и не перебирался. В смысле, из Амстера; в сквоте я прожил всего полгода.

Ты что, все забыл? — спрашивает Леннокс, думая, наверное, что видит все по моему лицу. Нет, я не помню только, как тебе об этом рассказывал.

Глава 5

День клонится к вечеру, за спиной уже несколько часов езды по шоссе. Что слева, что справа поля, предприятия, съезды на другие шоссе, с виадуками и развязками. Небо затянуто тучами, все вокруг серое. Приближаемся к границе. Государственная граница — звучит так несовременно, казалось бы, все границы уже должны были перейти в цифру, да и мы сами тоже; хотя кто знает, такие слухи уже ходят. И одновременно с этим границы должны стать важнее, чем несколько десятилетий до этого, и что группы патриотов должны их если и не защищать, то хотя бы охранять, потому что

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

